

5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. M.: Az, 1996. 928 p.

6. New dictionary of foreign words. Minsk: Contemporary Literary, 2005. 1088 p.

Статья поступила в редакцию 01.10.2021; одобрена после рецензирования 08.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.

The article was submitted 01.10.2021; approved after reviewing 08.11.2021; accepted for publication 30.11.2021.

Научная статья

УДК 81

doi: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-010-018

ЯЗЫКОВЫЕ ОБРАЗЫ КАК ЕДИНИЦЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ

Н.Ф. Алефиренко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Аннотация. Языковой образ, в отличие от его субстрата, психического образа, это, в понимании автора, вербализованное в сознании человека зрительное восприятие реалий коммуникативно значимого события, фиксирующее результаты визуального восприятия и вычленения в нем культурно маркированных элементов. Лингвокреативность заключённой в них этнокультурной духовности человека проявляется не только в созидании первичных языковых образов, но и в их творческой адаптации к новым дискурсивным ситуациям речепорождения. Механизмом такого рода адаптации служит лингвокреативный тип мышления. Языковой образ рассматривается в статусе семиотической единицы этнокультурной памяти.

Ключевые слова: языковой образ, лингвокреативное мышление, этнокультурное сознание, архетип, концепт, символ

LINGUISTIC IMAGES AS UNITS OF ETHNO-CULTURAL CONSCIOUSNESS

N.F. Alefirenko

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Abstract. A linguistic image, unlike its substratum, a mental image, is, in the author's understanding, a visual perception of the realities of a communicatively significant event verbalized in a person's consciousness, fixing the results of visual perception and the isolation of culturally marked elements in it. The linguocreativity of the ethno-cultural spirituality of a person contained in them is manifested not only in the creation of primary linguistic images, but also in their creative adaptation to new discursive situations of speech generation. The mechanism of this kind of adaptation is the linguocreative type of thinking. The linguistic image is considered in the status of a semiotic unit of ethno-cultural memory.

Keywords: linguistic image, linguocreative thinking, ethno-cultural consciousness, archetype, concept, symbol

1. Введение. Языковые образы существенно отличаются от реалий окружающего мира и их чувственно-предметного отражения в обыденном сознании человека. Для понимания природы языкового образа важно уяснить, что содержание психики образуют отраженные в сознании и обозначенные языковыми знаками реалии коммуникативного события, его идеальный, субъективно сформированный образ. Само отражение коммуникативно значимого события и формирование соответствующих *субъективных образов* осуществляется в сознании благодаря познавательным процессам, характер которых зависит от личных ментальных способностей коммуниканта и сформированной у него этнической картины мира.

В порождении языкового образа принимают участие все три уровня познания коммуникативного события: а) элементарный (ощущение и восприятие), б) промежуточный (представление и воображение) и в) высший (мышление). Формирование смыслового содержания языковых образов на элементарном и промежуточном

уровнях обеспечивается за счёт внимания и памяти, а на высшем – речемыслительными процессами. Именно речемыслительные процессы обеспечивают формирование у языковых образов лингвокреативного потенциала, опирающегося на асимметрию знаков, их номинирующих.

2. Методология и методы. Природа и сущность языкового образа раскрываются с помощью лингвокультурологического метода – совокупности методов, приёмов и методик, позволяющих проникнуть в механизмы взаимосвязи языка и ценностно-смысловых доминант моделируемой человеком картины мира. Цель такого подхода эксплицировать скрытую ипостась языка как орудия формирования, хранения и развития культуры. На достижение данной цели используется процедура психосемантического выявления способов объективации в языковом образе так называемых культурно-значимых смыслов. Этому подчинены отдельные приёмы компонентного анализа этнокультурной семантики (выявление культурной значимости словесных знаков) с последующей интерпретацией «культурных коннотаций»¹ (термин В.Н. Телия) в их символической, архетипической и концептной репрезентации. «Культурно-маркированная коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания ФЕ или метафоры посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами. Компоненты с символическим прочтением также во многом обуславливают содержание культурной коннотации» [10: 55].

3. Дискуссия. Дискуссионными всё ещё остаются проблемы понимания универсальных и уникальных таких смежных феноменов, как языковой образ, предметный образ, реалия в контексте их импликации в этнокультурной памяти, архетипах, символах и концептах.

3.1. Языковые образы – продукты лингвокреативного речемышления. Лингвокреативность этнокультурной духовности человека проявляется не только в созидании первичных языковых образов, но и в их творческой адаптации к новым дискурсивным ситуациям речепорождения. Механизмом такого рода адаптации служит обособленный акад. Б.А. Серебренниковым лингвокреативный тип мышления. Ученый доказывал, что данному типу мышления свойствен двунаправленный характер. Одним из его предназначений является отражение внешнего и внутреннего мира человека. Другой своей ипостасью оно обращено к имеющемуся в данном языке репертуару средств объективации мысли. Было бы ошибочно полагать, что обозначение языковых образов субъектами речемыслительной деятельности начинается с чистого листа. Подключая ассоциативный ресурс, они ищут уже имеющиеся в языке аналоги (Серебренников Б.А., 1988: 109). Иными словами, лингвокреативное мышление, которое, по Б.А. Серебренникову, «заново членит мир», ищет в закромах лингвокультурной памяти такую знаковую конфигурацию, в семантике которой уже зафиксированы подобные нынешней (актуальной) коммуникативной ситуации архетипические образные представления. В качестве основных элементов данного типа мышления служат образы предметов внешнего мира. При таком мышлении образ вещи может сворачиваться и разворачиваться (Б.А. Серебренников), формируя сокращенную форму внутренней речи. Применительно к пониманию языкового образа, креативность языковой системы исходит, по данным известного специалиста в области творческого мышления Дж.П. Гилфорда, из «способности человека игнорировать стереотипные способы мышления, создавать нетривиальные вербализации коммуникативных событий» [Guilford, J.P. 1982: 49-59]. Учёный охарактеризовал креативность языковой системы как «дивергентное языковое мышление [Guilford, J.P. 1982: 57]. В его концепции креативность мышления конституируется четырьмя свойствами речевой деятельности. Наиболее значимой среди них, на наш взгляд, является пластичность ассоциативного восприятия коммуникативного события. Пластичность речемышления состоит, по крайней мере, из трёх аспектов: семантической, лингвосемиозисной и образно-адаптивной.

- Семантическая пластичность заключается в способности выделять смысловую доминанту коммуникативного события и находить неординарные модули её речевой экспликации;

¹ Культурную коннотацию В.Н. Телия считает базовым понятием лингвокультуры. Это результат интерпретация ассоциативно-образного основания значения языкового знака, соотнесения его с этнокультурными эталонами и стереотипами [9: 214].

• Пластичность механизмов лингвосемозиса обеспечивается способностью речемышления порождать в дискурсивной архитектонике коммуникативного события новые образные нюансы.

• Образно-адаптивная пластичность опирается на речемыслительную способность к неожиданным метаморфозам когнитивной метафоры как основного механизма вербальной креативности.

Именно на этих «трёх китах» речемыслительной гибкости удерживается самобитная оригинальность языковой образности.

Важнейшим свойством лингвокреативного мышления – основы порождения языковых образов – является его возможность актуализировать то, что в мышлении фактически уже исчезло, но «в языке может существовать» [Серебренников 1983: 249]. Более того, это может приводить к возникновению вторичных языковых образов. Ср.: *одним миром мазаны* – о людях (реже о каких-то предметах или явлениях) с одинаковыми недостатками, 'одинаково плохи'. Когнитивный диссонанс создаёт мир – окружающая действительность или *мир* – антоним к слову *война*? На самом деле здесь имеется в виду не *мир*, а *миро* – елей с красным вином и благовониями, благовонное масло, которое применяют при христианских церковных обрядах. Миропомазание является христианским таинством, которое выражается в обрядовом действе: крестообразном мазании верующего миром груди, лица, глаз, ушей, рук и ног, означающем передачу благодати Божественного духа, укрепления устои духовной жизни. При этом не следует слово *миро* смешивать со словом *мирра* – ароматическая смола из коры некоторых тропических растений, используемая в медицине и в парфюмерии.

Следует также отметить, что когнитивная интерпретация дискурса Т.А. Ван Дейком [см.: Теун А. van Dijk, Я. Торфинг, Р. Рорти, Р. Барт] и другими оказалась несколько усложнённой (идеологическими формациями, текстовыми определениями, социологическими характеристиками) и поэтому неудобной для раскрытия внутренней сущности языкового образа. Это требует выделения в когнитивной теории дискурса те свойства лингвистической ментальности, которые непосредственно участвуют в моделировании языкового образа.

Благодаря накопленному ранее опыту в дискурсивном сознании моделируются своего рода пресуппозиции виде определённых эталонов, создающих образ, лишь отчасти соответствующий реальному коммуникативно значимому событию. С точки зрения когнитивной поэтики моделирование пресуппозиций осуществляется с помощью сформированного а priori фрейма, представляющего собой особый формат хранения в долговременной памяти информации. В его структуре выделяют смысловое ядро (интенционал) и связанные с ним экстенциональные смыслы (множественные признаки наивного понятия). Экстенциональные смыслы играют главную роль в порождении языкового образа, поскольку:

(а) имплицитно фиксируются в архетипической семантике слов, представляющих соответствующее коммуникативное событие, и

(б) актуализируются ассоциативным мышлением с помощью пресуппозиций – хранимых в этнокультурной памяти фоновых знаний [Арутюнова Н.Д., 1973: 84-89] обыденного бытия.

В целом фоновые знания выражают *прошлый опыт* участников коммуникации, образующий «молчаливую предпосылку» соответствующего коммуникативного акта. Её сущность определяется отношениями, которые возникают в дискурсивном пространстве порождения языкового образа, между собственно языковыми и экстралингвистическими явлениями, обеспечивающих его адекватное восприятие в смысловом содержании высказывания. Ср.: 1) «Хлестаков, молодой человек лет двадцати трёх, тоненький, худенький, несколько приглуповат и, как говорят, *без царя в голове*, — один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими» (Гоголь. Ревизор). Значение вербализующего данный языковой образ фразеологизма «*без царя в голове*» – «глупый, непоследовательный человек, без внутреннего нравственного стержня, без главной жизненной цели. Языковой образ – продукт лингвокреативного освоения древней русской поговорки: «У каждого свой ум, свой *царь в голове*». Её экстралингвистическим основанием послужило представление о царе как воплощении ума и рассудка. Не зря царя называли *батюшкой* (*царь-батюшка*). Царь – символ олицетворённого разума. В этносознании русского народа *царь* и *ум* – целостный (неразделимый) синкретив. С утратой царя, мудрого правителя, в представлении древних русичей утрачивается разумное начало, что порождает беспредел и смуту. Поэтому если царскими свойствами ума человек обладает, о нём говорили, что он *без царя в голове* –

‘глупый, недалёкий, взбалмошный, без нравственного остова, совершенно бестолковый’. Закреплённый в дискурсивном сознании социально-исторический опыт образует «молчаливую предпосылку» соответствующего языкового образа. Актуализируется данная предпосылка языковыми и внеязыковыми средствами. К языковым относится психосемантика слов *царь* (ум, разум, рассудок) и *голова* (мозговой центр, управляющий всей жизнедеятельностью человека). Экспликация такого рода языковых образов осуществляется коммуникативно-прагматическим устройством дискурса (модели коммуникативного события), благодаря которому с опорой на анналы памяти они возникают.

В этой связи особо актуальным является обращение к одному из основных семиотических средств визуального восприятия действительности – языковому образу как элементу этнокультурной памяти.

3.2. Языковой образ – семиотическая единица этнокультурной памяти.

В отличие от психической сущности образа, языковой образ – это *вербализованное в сознании человека зрительное восприятие реалий коммуникативно значимого события*, фиксирующее не только внешние параметры номинируемого объекта, его пространственные конфигурации, но и результаты визуального восприятия и вычленения в нем культурно маркированных элементов (ср.: Ольховиков, 1999: 338). Вторая часть данного определения позволяет рассматривать языковой образ в качестве семиотического средства для интерпретации сущности мироздания и миропонимания определенных этнокультурных артефактов, послуживших основанием для формирования его психосемантики, отображающей как общие психо-лингвальные, так и дифференциально-психологические аспекты процесса категоризации «наглядного обобщения».

Проблема памяти универсальна для культуры. По определению Д.С. Лихачева, культура представляет собой хранилище человеческой памяти в её развитии, глубокой трансформации и ценностно-смысловой оптимизации [ср.: 7, с. 1]. Однако именно в условиях современной тенденции к гуманитаризации знаний феномен этнокультурной памяти приобретает особую актуальность. Применительно к толкованию сущности языковых образов следует напомнить суждение К. Юнга, акцентировавшего внимание на наиболее ценном свойстве памяти – её способности «репродуцировать бессознательные содержания и поддерживать связь с вещами, ставшими подсознательными – подавленными или отброшенными» [13, с. 131]. Прежде всего, данная способность важна для интерпретации культурно-исторического аспекта памяти, её социальной (коллективной) значимости. Культурно-историческая память фиксирует символическую репрезентацию сведений об историческом прошлом народа. При этом культурологическая ценность определяется не прямым отображением номинируемых реалий, а особой символической формой извлечения культурных смыслов, не регламентируемых жизненным опытом отдельных членов данного этнического сообщества. Актуализируемые культурные смыслы являются традиционными, формализованными и ритуализованными. Выражаются они так называемыми мемориальными знаками различного рода: неречевого и вербального характера. Таковыми могут выступать привычки, особенности быта, традиции, памятные места, изобразительные и монументальные памятники, даты, церемонии и ритуалы. Как явствует из такого понимания, семиотикой лингвокультуры служат отраженные в языковом сознании и представленные в психосемантике социальные, духовные и материальные маркеры, определяющие ценностно-оценочную ауру этнокультурной духовности.

Раскрыть психосемантику языкового знака значит понять закономерности формирования языкового образа и его вербализацию в языковом сознании. Ср. *остаться с носом* – ‘не получить желаемого, быть обманутым, не достичь результата, хлопотать попусту’. Обычно данный образ интерпретируется с помощью обращения к древнему обычаю издавна существовавшего на Руси: в знак уважения делать подношения важным особам. При этом рассказывается, что, отправляясь в Приказ, чтобы похлопотать о каком-либо деле, люди брали с собой дары для чиновников. Если скудные дары воспринимались как унижение представителя власти, от него могли отказать. В таком случае просителю на благополучный исход дела рассчитывать уже не стоило, т.е. он «оставался со своим носом». Речь, разумеется, шла не о соматизме. Лингвистическое разъяснение связано с омонимическим отглагольным существительным *нос* (приношение): остаться тем, что принёс. Такой же исход ожидал сватающегося жениха, преподносящего подарки, родителям невесты. Отвергнутому жениху дары демонстративно возвращались, который возвращался со своим презентом домой, то есть «оставался с носом». В современном языковом сознании выражение *остаться с носом* употребляется в значении ‘потерпеть неудачу’. И в этом значении входит

в синонимический ряд *остаться на бабах*, *остаться в полете*, *остаться при пиковом интересе*, *от ворот поворот*, *не солоно хлебавши*.

При всём своеобразии воплощения элементов коммуникативно значимого события в самобытном мировосприятии действительности каждого этнокультурного сообщества, сформированные в нём языковые образы воплощают собой ряд свойств и категорий, являющихся межкультурными универсалиями:

а) *зрительную представленность* предмета мысли;

б) *воспроизводимость*;

в) *альтернативность* и множественность образных проекций языкового материала, когда пытаются отойти от стереотипов мирозерцания, рисуя в своём воображении те узоры, которые объективируются в нашем этнокультурном сознании соответствующими словами или устойчивыми выражениями;

г) *пластичность* образов, то есть способность их к всевозможным модуляциям.

Конструктивная роль в экспликации этих свойств принадлежит архетипическим образам.

3.2. Языковой образ и образ архетипический. Запечатление в языковом образе культурно-исторической памяти осуществляется главным образом за счёт его генетической связи с архетипами языкового сознания. На первый взгляд, взаимосвязь двух феноменов основана на семантической тавтологии, поскольку слово *архетип* уже содержит в свой этимологической истории компонент «образ» (греч. *arche* начало + *typos* образ). Иначе говоря, понятие архетипа было введено К.Г. Юнгом с целью номинировать изначальный образ, универсальный символ коллективного бессознательного, за которым закреплены сформированные веками установки и правила, реализующие устоявшиеся связи и отношения между людьми и реалиями окружающего мира.

Коллективное бессознательное выполняет важнейшую коммуникативно-когнитивную функцию: передаёт ценностно-смысловой опыт грядущим поколениям, который хранится в долговременной памяти в форме культурных архетипов. Они служат инстинктивными моделями речевого поведения, по которым участники общения воспринимают коммуникативно значимое событие и получают на него адекватный рефлексный ответ.

«Культурные архетипы» – это своего рода ценностно-смысловой «осадок» от переосмысленных и эмоционально пережитых в прошлом событий. Это неподконтрольная сознанию «вечная память», определяющие нынешние аксиологические ориентиры в житейских перипетиях этнического сообщества. Они, словно возрождающийся из собственного пекла мифологический феникс, активизируют в памяти этноса образы, смысловой ореол которых ассоциируется с объектами современной лингвокультуры. Архетипические языковые образы – хранилище культурного гено типа каждого народа, в котором закодирован накопленный веками духовный опыт. Эта память запечатлевает любимые каждым народом паттерны², повторяющиеся из века в век идеи и образы, устойчивые комплексы представлений. Поскольку культурные архетипы хранят глубинные установки коллективного бессознательного, они обычно не осознаются коммуникантами.

Термин *архетип* тесно связан с термином *стереотип*, обозначающим некоторый фрагмент концептуальной картины мира того или иного этноса, устойчивое культурно-детерминированное представление о предмете, явлении, ситуации. Каждый этнос живет в мире только ему присущих культурноносных стереотипов, хотя они и искажают отражаемые реалии. Можно сказать, что стереотипы усваиваются с молоком матери, с раннего детства и с течением времени меняются крайне медленно. Не потому ли этнокультурная идентичность определяется именно наличием базовых стереотипных символов этноязыкового сознания.

Наиболее значимыми для любой лингвокультуры являются сакральные виды пищи. В русской лингвокультуре таковыми являются хлеб (*Хлеб всему голова*; *Хлеб – дар Божий*) и связанные с ним обрядовые действия.

Сущность стереотипов, как, впрочем, и архетипов, определяется не только означаемыми (самобытными ментальными образами), но и их означаемыми (знаковыми репрезентантами). Особенно ярко они представлены в языке, его лексике, паремииологии и в языке фольклора. Хлеб в красном углу – символ Божественного покровительства и оберег от враждебных сил, символ благополучия семьи,

² *Паттерн* — систематически повторяющийся, устойчивый элемент или последовательность элементов речевого поведения.

гостеприимности хозяев. В силу этого были выработаны достаточно строгие правила обращения с хлебом:

- А) сакральные:
- а) верили, что хлеб нужен не только живым, но и мертвым, поэтому клали его в гроб;
 - б) в процессе приготовления хлеба пекари неоднократно крестились сами и крестили муку, тесто, хлеб перед выпечкой и после нее;
 - в) сыпали крошки на могилу: считалось, что крошки хлеба полезны для птиц, воплощающих души усопших.
- Б) защитные: хлеб клали
- а) в колыбель к новорожденному;
 - б) на место, где до этого лежал покойник, чтобы умерший не унес с собой плодородия;
 - в) выносили на улицу при приближении грозы, чтобы защитить посевы;
 - г) обходили с хлебом загоревшееся строение, чтобы остановить распространение пожара.
- В) обрядовые: а) хлеб брали с собой, отправляясь свататься;
- а) сыпали крошки на могилу для птиц, воплощающих души;
 - б) кормили хлебом не только живых, но и мертвых: клали его в гроб;
 - в) предназначали мертвым первый из выпеченных хлебов, помеченный крестиком или пар от горячего хлеба.

Традиционным для русской культуры является сочетание хлеба с солью (на новоселье, приеме гостей). Хлеб – символ благополучной судьбы, богатства, достатка. Соль – оберег от враждебной энергии (чар, колдовства, сглаза и порчи).

Особенно ценилась четверговая соль. Освящалась она в Чистый четверг и использовалась для лечения людей и скота, от сглаза и от ведьмы. С этой же целью соль клали под подушку в колыбель ребенку. Вынося ребенка за пределы дома в его шапочку или на лоб клали крупицу соли.

Весьма занимательно сложился обряд «солить молодых» и «солить девушек». В первом случае молодоженов, сыгравших в данном году свадьбу, в дни масленичного веселья прятали под снегом. Второй обряд также связан с солью. После окончания масленицы парни «солили», т.е. закапывали в снег, девушек, в прошедшем году не просватанных. В первом и во втором случае снег символизировал соль. Смысл этих обрядов – оберег. Такими действиями, считалось, можно было уберечь молодоженов и не просватанных девушек, чтобы те не закисло (не утратили заряд молодости, не лишились здоровья, жизненной энергии) до следующего мясоеда.

Огромное значение придавалось мучным изделиям. Важным символом свадебного обряда служил каравай – символ благословения, любви и благополучия. Выпекался он из сдобного пшеничного теста. Он имел круглую форму, получался высоким и пышным. с разными украшениями. И в современной русской лингвокультуре сохранились древние выражения-пожелания: *Сыр да каравай принимай, а наших молодых не оставляй; Сыр-каравай примите, золоту гривну положите; На чужой каравай рта не разевай, а пораньше вставай да свой затевай.* Каравай является образным символом плодородия. Он же в древней символике русского народа – дар Божий. Поэтому с ним встречают новобрачных после церковного таинства венчания; им благословляют молодоженов, разламывая каравай над их головами. В качестве символа благополучия каравай украшает стол молодоженов. Затем следует главное обрядовое действие: каравай делят. Его символический смысл - деление общего блага между людьми, наделение каждого участника обрядового действия своей долей.

3.3. Языковой образ и концепт. Пожалуй, более всего языковой образ обнаруживает сходство с концептом в силу их общей когнитивной природы. Данное сходство послужило А.А. Потебне основанием утверждать, что образы есть средства экономии ментального напряжения, поскольку являются «заместителями тех масс мыслей, из которых они возникли» [Потебня А. А., 1976, с. 520]. В связи со способностью предметно-чувственных образов концентрировать мелькание мыслей как в поиске первичной фиксации воспринимаемых коммуникативно значимых событийных реалий. Аскольдов-Алексеев такого рода образы назвал концептами, которые сравнивал с «туманным нечто». В нашем понимании, учёный имел в виду довербальные наивные представления, которые в процессе коммуникативного осмысления порождают концепты – ядерные ментальные образования текстопорождающего дискурса.

Речемыслительными процессами, порождающими языковые образы, выступает, прежде всего, концептуализация соответствующего коммуникативного события, ядром

которого выступает концепт – главный элемент ментального лексикона, представляющая собой сопряженный комплекс значений, ценностей и норм, представляющий в языковом образе результаты этнолингвокультурной интерпретации коммуникативного события. Процесс образования концепта (а) как единицы концептуализации и (б) идеального продукта когниции (знания и познания), заключенной в языковом образе, имеет многоярусную организацию. Благодаря такой структуре языкового образа в содержащем его концепте синтезируются не только значения, но и «предзначения» (Д. С. Лихачев), а также все вызываемые вербализующим его знаком чувственные образы, конотативные созначения, оценки, личные и коллективные, преломленные в дискурсивном сознании сквозь призму той или иной этнокультуры. Например: *седьмая вода на киселе* – о дальних родственниках. Ср.: «*В Сибири... родство, свойство и кумовство считается... чуть не до двадцатого колена. Седьмая вода на киселе, десятая вода на квасине и всякая с боку припёка из роду из племени не выкидается*» (П. И. Мельников-Печерский. «На горах»). Доминантой языкового образа служит «седьмая вода» – остаток в технологии изготовления киселя на зерновой основе. На давно приготовленном киселе появлялась вода, вкус которой весьма далёк от любимого десерта.

Вторым не менее важным процессом является к а т е г о р и з а ц и я (процесс познания, который относит языковые образы к определенной категории посредством обобщения и выявления их общих свойств, признаков и связей). Ср. синонимический ряд со значением 'вызывать глубокие переживания': *цеплять, волновать, задевать, трогать, забирать/задевать/брать/затрагивать за живое, хватать за душу, входить в сердце, брать/хватать за сердце, доходить до сердца, приводить в волнение, входить в душу*. Это когнитивно-семантическая деятельность, в основании которой лежит понятие прототипической ситуации – когнитивной модели языкового образа. Разумеется, приводным механизмом для категоризации и концептуализации языковых образов служат нейро-когнитивные процессы (об этом см. [3, с. 5]).

Мотив к текстопорождению стимулирует появление креативной метаморфозы внутри концептуальной парадигмы: концепт как ментальное образование превращается в дискурсивно-модусный концепт (см. Алефиренко Н.Ф., Аглеева З.Р., 2020).

4. Заключение. Как показывают наши исследования, сущности языкового образа обусловлена не психической природой архетипа, а вербализующими его средствами: метафорикой, метонимией, фразеологизмами, сравнениями. По выражению К. Юнга архетип напоминает скелет, который у большинства лингвоэтнокультур схож, однако в каждой из них он обрастает ассоциативно образными смыслами, зависящими от природного окружения, ценностно-смыслового уклада каждого народа.

Когнитивная метафора и её вербальные производные — уникальное средство, интегрирующее в себе синергию языковых, культурных и психосемантических смыслов. Проецируемые метафорическим мышлением языковые образы фиксируют результаты креативного взаимодействия чувственного и рационального познания мира. Тем самым, они семиотически воплощают связь между тремя основными уровнями психического отражения действительности: сенсорно-перцептивным (чувственным), уровнем представлений (образным) и вербально-логическим (речевым) уровнем.

В перспективе изучения языковых образов целесообразно продолжать поиски общих и различительных свойств собственно архетипов и архетипических образов, которыми они (свойства) снабжают смысловыми коннотациями символы и дискурсивно-модусные концепты. Но уже данное исследование служит основанием различать эти генетически связанные феномены:

- архетипы – врождённые идеи коллективного бессознательного мировосприятия, которые актуализируются в процессе дискурсивного моделирования коммуникативного значимого события для его речевой интерпретации; это своего рода модель, посредством которой формируются архетипические образные представления;
- архетипические образы наполняют недоступную созерцанию архетипическую форму (модель) чувственно и визуально воспринимаемыми узорами, контаминирующими представления о предметных реалиях и их дискурсивной интерпретацией.

И всё же архетипические образы остаются молчаливыми формами отражения окружающего мира до тех пор, пока в их формах не возникнет «семантический зародыш», который затем вызревает в смысловое содержание концепта. Так архетип как коллективное бессознательное трансформируется через символические репрезентации в концепт – уже осознанную структуру, вызывающую у коммуникантов определённые субъективные переживания. Последние формируют структуре концепта образный слой, без которого он концепт становится логическим понятием.

Итак, языковой образ – конечный пункт последовательных трансформаций от архетипа к архетипическому образу, затем символу и дискурсивно-модусному концепту.

Если образ (базовый конструкт) представляет прямое отражение познаваемой реалии, оставляя в памяти «след» от осуществлённого в прошлом взаимодействия с предметом, то языковые знаки превращают первичные образы в культурные элементы дискурсивной деятельности, важнейшими из которых являются архетипические образы и дискурсивно-модусные концепты. Культурный маркер архетипического образа отсылает к той ячейке вербальной памяти, в которой языковое сознание отбирает для лингвосемиозиса. необходимые языковые средства. В основании лингвосемиозиса лежит триединство означающего (звуковой или графической структуры), внутренней формы знака и его означаемого (контаминацию в языковом образе наивного понятия и акустического образа). Символический смысл указывает речемышлению вектор поиска нужной комбинации слов для репрезентации языкового образа и его трансформации в концепт.

Вербализация дискурсивно-модусного концепта благодаря лингвосемиозису закрепляет языковой образ в устойчивых единицах языковой системы.

Список источников

1. Аглеева З. Р., Алефиренко Н. Ф. Фразеологическое значение: когнитивные истоки и дискурсивно-модусная сущность // Гуманитарные исследования. 2020. № 2. С. 93–98.
2. Алефиренко Н. Ф., Нуртазина М. Б., Стебунова К. К. В поисках когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 18 (2).
3. Алефиренко Н. Ф. Дискурс в свете нейрокогнитивистики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 7 (228). Вып. 29. С. 5–14.
4. Алефиренко Н. Ф. Когнитивные основания лингвосемиозиса // Kritik und Phrase. Festschrift für Wolfgang Eismann zum 65. Geburtstag. Herausgegeben von P. Deutschmann. Wien (Австрия): Praesens Verlag, 2007. S. 379–395.
5. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия лит. и языка. 1973. Т. 32, № 1. С. 84–89.
6. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
7. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология / под ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
8. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
9. Рорти Р. Американская философия сегодня // Аналитическая философия (антология). М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 433–453.
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.
11. Серебrenников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / отв. ред. В. М. Солнцев. М.: Наука, 1988. 244 с.
12. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
13. Юнг К. Г. Человек и его символы. СПб.: Б.С.К., 1996. 454 с.
14. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 343 с.
15. Alefirenko N., Nurtazina M., Shakhputova Z. Linguistic Episteme as a Discourse-Generating Mechanism of Speech Activity Episteme lingüístico como mecanismo generador de discursos en la actividad del habla // Artículos utopía y praxis latinoamericana. Año: 25. 2020. P. 438–463.
16. Alefirenko N., Gigolayeva A., Dekhnich O., Chumak-Zhun' I. Discursive-Pragmatic Modeling of the Language Image // Amazonia Investiga. 2019. Vol. 8. Núm. 21. P. 142–149.
17. Alefirenko N., Nurtazina M. Metaphorical Discourse // Search for the Essence of Speech Imagery // Cuadernos de Rusística Española. Granada: Universidad de Granada, 2018. Vol. 14. P. 15–28.
18. Guilford J. P. Cognitive psychology's ambiguities: Some suggested remedies // Psychological Review. 1982. P. 48–59.
19. Dijk T. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. 384 p.
20. Torfing J. Discourse theory: Achievements, arguments, and challenges. Palgrave Macmillan UK, 2005. P. 1–32.

References

1. Agleeva Z. R., Alefirenko N. F. Frazеologicheskoe znachenie: kognitivnye istoki i diskursiv-no-modusnaya sushchnost' // *Gumanitarnye issledovaniya*, 2020, № 2, pp. 93–98.
2. Alefirenko N. F., Nurtazina M. B., Stebunova K. K. V poiskah kognitivno-lingvisticheskoy metodologii ucheniya o diskurse // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 2021, 18 (2).
3. Alefirenko N. F. Diskurs v svete nejrokognitivistiki // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2016, № 7 (228), Iss. 29, pp. 5–14.
4. Alefirenko N. F. Kognitivnye osnovaniya lingvosemiozisa // *Kritik und Phrase. Festschrift fur Wolfgang Eismann zum 65. Geburtstag*. Herausgegeben von P. Deutschmann. Wien (Avstriya): Praesens Verlag, 2007, pp. 379–395.
5. Arutyunova N. D. Ponyatie presuppozicii v lingvistike // *Izvestiya AN SSSR. Seriya lit. i yazyka*. 1973. Vol. 32, № 1, pp. 84–89.
6. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* / per. s fr.; sost., obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. M.: Progress, 1989. 616 p.
7. Lihachev D.S. *Konceptosfera russkogo yazyka* // *Russkaya slo-vesnost': Antologiya* / Pod red. V.P. Neroznaka. M.: Academia, 1997, pp. 280–287.
8. Potebnya A.A. *Mysl' i yazyk*. M.: Labirint, 1999. 300 p.
9. Rorti R. *Amerikanskaya filosofiya segodnya* / R. Rorti // *Analiticheskaya filosofiya (antologiya)*. – M.: Dom intellektual'noj knigi, 1998. pp. 433–453.
10. Rubinshtejn S. L. *Osnovy obshchej psihologii*. SPb: Iz-datel'stvo «Piter», 2000. 712 p.
11. Serebrennikov B. A. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. *Yazyk i myshlenie* / ed. V. M. Solncev. M.: Nauka, 1988. 244 p.
12. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty*. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1996. 288 p.
13. Yung K. G. *Chelovek i ego simvoly*. SPb.: «B.S.K.», 1996. 454 p.
14. Yung K. G. *Arhetip i simvol*. M.: Renessans, 1991. 343 p.
15. Alefirenko N., Nurtazina M., Shakhputova Z. Linguistic Episteme as a Discourse-Generating Mechanism of Speech Activity Episteme lingüístico como mecanismo generador de discursos en la actividad del habla // *Artículos utopía y praxis latinoamericana*. Año: 25. 2020. pp. 438–463.
16. Alefirenko N., Gigolayeva A., Dekhnich O., Chumak-Zhun' I. Discursive-Pragmatic Modeling of the Language Image // *Amazonia Investiga*, 2019, Vol. 8. Núm. 21. pp. 142–149.
17. Alefirenko N., Nurtazina M. Metaphorical Discourse // *Search for the Essence of Speech Imagery* // *Cuadernos de Rusística Española*. Granada : Universidad de Granada, 2018, Vol. 14, pp. 15–28.
18. Guilford J. P. Cognitive psychology's ambiguities: Some suggested remedies // *Psychological Review*. 1982. pp. 48–59.
19. Dijk T. van. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Sage, 1998. 384 p.
20. Torfing J. *Discourse theory: Achievements, arguments, and challenges*. Palgrave Macmillan UK, 2005. pp. 1–32.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021; одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 27.11.2021.

The article was submitted 30.09.2021; approved after reviewing 28.10.2021; accepted for publication 27.11.2021.